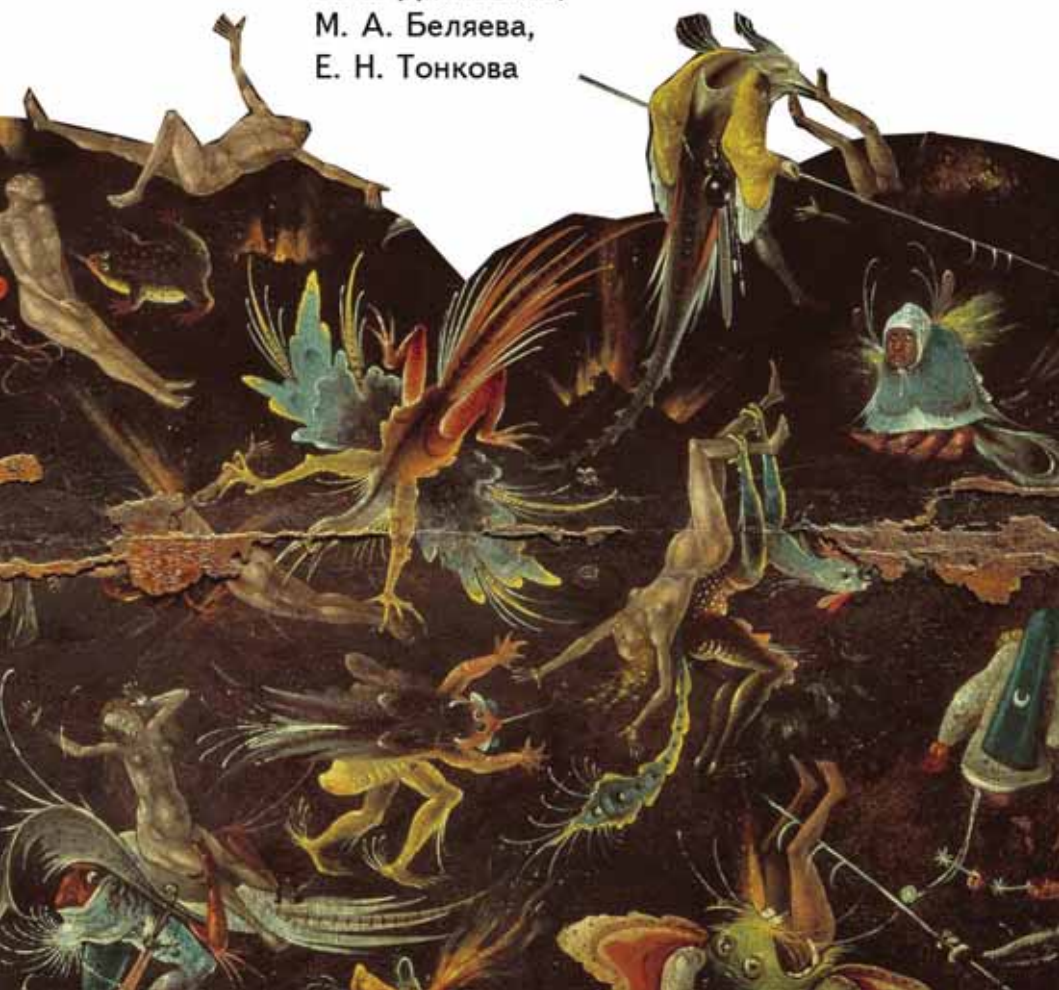

КРИЗИС ПРАВА

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Под общей редакцией
В. В. Денисенко,
М. А. Беляева,
Е. Н. Тонкова

УДК 340.12

ББК 67.0

К 823

Рецензенты:

заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор *И. Ю. Козлихин*
(Санкт-Петербургский государственный университет)

кандидат юридических наук, доцент *М. В. Антонов*
(НИУ «Высшая школа экономики»)

К823 Кризис права: история и современность: монография / под
общ. ред. В. В. Денисенко, М. А. Беляева, Е. Н. Тонкова. — СПб.:
Алетейя, 2018. — 514 с. — (Толкование источников права).

ISBN 978-5-906910-99-8

В коллективной монографии представлены результаты исследований переходных процессов отечественной правовой системы. Центром научного притяжения явился феномен кризиса, рассмотренный как эмпирико-социальный факт, как общая культурно-историческая тенденция и как характеристика политико-правовой коммуникации.

Это первая коллективная работа, всецело посвященная причинам государственно-правовых кризисов, их морфологии, социальным и антропологическим последствиям их существования. Глубина исследовательского проникновения в материал сочетается с применением современных методологических установок: структуралистской, феноменологической, ценностной, рационалистской, институциональной, семиотической.

Книга адресована как исследователям в области юриспруденции, политической истории, социальной философии, теории коммуникации, так и практическим работникам.

*В оформлении обложки использован
фрагмент картины Иеронима Босха*

УДК 340.12

ББК 67.0

ISBN 978-5-906910-99-8

- © В. В. Денисенко, М. А. Беляев,
Е. Н. Тонков, составление, предисловие,
библиографический список, 2018
- © Коллектив авторов, 2018
- © Гуманитарный фонд «Тюрьма», 2018
- © Издательство «Алетейя» (СПб.), 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	7
Глава 1. Перманентная переходность как постоянное состояние российской государственно-правовой системы (Р.А. Ромашиов)	11
Глава 2. Традиция «оставления идеи права» в российской истории (Л.Е. Лаптева)	45
Глава 3. Формирование и эволюция социалистического правового реализма (Е.Н. Тонков)	63
Глава 4. Кризис позитивного права в условиях общественной модернизации (В.В. Денисенко)	83
Глава 5. Правовое отчуждение как индикатор кризиса права: некоторые аспекты (И.Ф. Мачин)	101
Глава 6. Сверхрегулирование как симптом кризиса правовой системы (М.А. Беляев)	113
Глава 7. Создание «правил игры» в условиях децентрализации, сетевизации и инновационного развития (О.А. Сиденко)	135
Глава 8. Постклассическая методология исследования права как ответ на кризис юриспруденции (И.Л. Честнов)	161
Глава 9. Персонализм как ответ на духовный кризис человека (Ю.В. Сорокина)	181
Глава 10. Право и ценности в условиях кризиса правового регулирования (Н.В. Малиновская)	206
Глава 11. Перспективы развития семиотики права в условиях кризиса и поиска новой парадигмы гуманитарных наук (Н.Ф. Ковкель)	222
Глава 12. Разрешение конституционно-правовых коллизий в кризисный период (И.А. Стародубцева)	252

Глава 13. Проблемы формирования социального капитала политических партий: политико-правовые ограничения в условиях переходного общества (<i>Д.В. Щеглова</i>)	280
Глава 14. Реформирование системы ограниченных вещных прав в России в духе классических романо-германских традиций (<i>Т.Н. Сафронова</i>)	305
Глава 15. Кризис категории «административный процесс»: юридический миф или реальность? (<i>О.С. Рогачева</i>)	329
Глава 16. КЗАГС 1918 года: решение дореволюционных вопросов и постановка новых задач (<i>П.Л. Полянский</i>) . . .	362
Глава 17. Российское налоговое законодательство в эпоху Революции и Гражданской войны (<i>Н.Ю. Андреев</i>)	381
Глава 18. Призрачный флот Украинской Державы (1918 г.) (<i>Д.В. Ливенцев</i>)	397
Глава 19. События на Поромене дворе и Правда Русская: правовая реформа или «ряд» с новгородцами? (<i>А.В. Сумин</i>)	429
Библиографический список	479
Сведения об авторах	512

ПРЕДИСЛОВИЕ

Кризис рассматривается как препятствие на жизненном пути человека или группы людей, преодоление которого возможно. Эмпирические выводы о качестве жизни зависят как от материальных аспектов, так и от субъективных представлений о сущем и должном. Известные зарубежные (например, индуистские) практики и кастовые предопределенности позволяют управлять переживаниями, но они малоэффективны в условиях российского правопорядка.

Интерес к изучению кризисных состояний не ослабевает, применительно к отечественному праву в последнюю четверть века наблюдается явная поляризация мнений. Сторонники авторитарной конструкции государства, отмечая преимущества избранного пути, декларируют практическое преодоление кризиса, поскольку структуры оперативно-силового блока овладели неограниченными возможностями управления недрами, экономикой, политикой и населением. Романтически ориентированные исследователи стремятся поставить новые диагнозы кризиса и предлагают разнообразные методы лечения. Прагматики и реалисты обосновывают перманентность сложившегося состояния, выявляя закономерности столетней юридической практики.

Исследования переходных процессов отечественной правовой системы в этой книге объединены парадигмой кризиса, рассмотренной в нескольких измерениях: как группы эмпирико-социальных фактов, как культурно-исторической тенденции и как характеристики политико-правовой коммуникации. Среди авторов стихийным образом сложились консенсуальные представления о содержании и смыслах кризиса. Каждое из обезличенного множества событий сужает или делает фрагментарным пространство возможностей, присущее определенной системе знаний и практик.

Правовая система функционирует в широких социальных окружениях, взаимодействие с которыми изменяет содержание и сущность нормативных предписаний. Контекстуальная детерминированность действия может преодолевать субъективную интенцию и профессиональные задачи правоприменителя. Эволюционному распространению правовых явлений свойственна многослойная онтология, требующая выявления и учета скрытых взаимосвязей. В структуре права уместно обособлять субъективные права, нормативные тексты, правовые отношения и правоприменительные акты воли властных субъектов, особое внимание уделяя связям, возникающим на стыке этих слоев.

Исторические подходы к исследованию права позволяют актуализировать эволюцию нормативности. История иллюстрирует нам неукоснительное восстановление равновесия за счет трансформации явлений, содержаний и сущностей. Ничто не исчезает в никуда и не возникает из ниоткуда, — казалось бы ушедшие в безвозвратное прошлое правовые институты реинкарнируются в настоящем и будущем временах. Так мы начинаем сегодня диагностировать неосталинизм в растущем значении *Regina probationum*, изощренных пытках, неправдоподобно объясняемых расстрелах, произволе следователей и послушных им судей. Больше не будет права в значении возможности добиться справедливости — без политического влияния и большого финансирования — для тех, кто пытается критиковать публичную власть. Означает ли диктатура воли сильного полицейского над беспомощным гражданином кризис права или это всего лишь особое качественное состояние правопорядка?

В праве значимыми являются не только нормы и действия, но также ценности и смыслы. Последние могут быть абстрагированы как с точки зрения содержания, — и тогда налицо анализ идеологической стороны воли правителя, так и со стороны формы, — тогда мы имеем дело с семиотическим исследованием властно-упорядочивающих отношений. Последовательная иерархизация ценностей приводит к разграничению типов правопонимания между социальными стратами, юридическими сообществами, национальными диаспорами. Рациональные общества доводят указанные разграничения до концептуального завершения, поскольку в любых спорах речь идет, в том числе, о конкуренции ценностей, процессы выбора которых не всегда прозрачны.

Для написания текстов о социальных кризисах в наши дни, на первый взгляд, не нужны специальные систематические знания, — достаточно дать слово самой реальности, точнее — тем носителям установки *sensus communis*, которые способны внятно текстуализировать господствующие умонастроения. Нет недостатка в экспертах на заданную тему: теле- и радиоведущие, чиновники, блогеры, бизнесмены и даже «лица из зала», — по-своему правы, описывая окружающую их правовую действительность в перспективе собственной оптики. Но не существует способа агрегировать все противоречивые точки зрения в единую эпистемологически познаваемую плоскость. В этом, может быть, и заключается философская драма современной эпохи, где люди живут в параллельных информационно-смысловых мирах, не испытывая взаимных зависимостей.

Принципиальная незавершенность всякой концепции сегодня становится чем-то вроде пропуска в мир академических стандартов, неснижаемой нормой философской зрелости для мыслителя. Мы не только не можем утверждать, как прежде, что человек (сообщество) имеет разумные цели и хорошо знает средства их достижения, мы, кроме того, должны оставить попытки отыскать такое социальное знание, которое было бы одновременно полным, неангажированным, непротиворечивым и проверяемым. Возможно, это расплата за век тотально определенного марксизма и прочих «-измов», допускающих забвение логики и монополию несменяемой власти на формулирование «истины».

Следует помнить о том, что любое знание в обществе распределено неравномерно во времени, пространстве и по кругу лиц. Существует известная асимметрия между центром и периферией, генератором смысла и его истолкователями, экспертом и заказчиком экспертизы. Не в силах исследователя устранить эту асимметрию, поскольку она вызвана не когнитивными причинами и условиями, а обстоятельствами, характеризующими коммуникацию в целом, в том числе характеристикой субъектов, осуществляющих демаркацию границ между смыслом и значением. От исследователей не стоит ожидать в качестве продукта их деятельности единой модели, чьи свойства можно было бы экстраполировать на более широкий класс случаев (поскольку само расширение уже представляет собой коммуникативное действие, для которого требуется не эпистемологическая, а другая легитимация).

Общих правил, по которым рождается содержательная концепция, не выработано, взамен этого исследователи могут осуществлять привязку к конкретно-исторической перспективе, позволяющей более точно осмысливать накопленный опыт разрешения правовых споров. Рассматривая в качестве историко-правовой привязки столетие революции 1917 г., авторы исследуют событийную ткань отечественной истории, рефлексировав над кризисными состояниями права и государства. Можно метафорически сказать, что в драме под названием «Кризис права» всегда как минимум три действующих лица: История, Власть и Свобода. Взаимоотношения их конфликтны, всяческие коалиции заведомо временны, а ролевые функции изменчивы. Интерсубъективный автор живет в драме этих персонажей, развивая аксиологический, системный, реалистический, формально-догматический и иные подходы к анализу многослойной реальности. Глубина его исследовательского проникновения в материал сочетается с применением современных методологических установок и надеждой на светлое будущее права без признаков кризисных явлений.

Следует отметить, что эта книга — первая коллективная монография на постсоветском пространстве, всецело посвященная причинам государственно-правовых кризисов, их морфологии, социальным и антропологическим последствиям их существования.

ПЕРМАНЕНТНАЯ ПЕРЕХОДНОСТЬ КАК ПОСТОЯННОЕ СОСТОЯНИЕ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

1. Нормативность и девиантность как политико-правовые категории

Нормативность является одним из признаков права, характеризующим его в качестве системы норм. Позитивистский (нормативистский) подход, вплоть до недавнего времени господствовавший в отечественной юридической науке, предполагал восприятие права в качестве «возведенной в закон воли господствующего класса»¹. В таком понимании нормативность права означала, во-первых, сведение права к совокупности формализованных общезначимых и общеобязательных правил поведения (юридических норм), исходящих от государства (точнее — от ассоциируемых с ним представителей господствующего класса) и обеспеченных государственным принуждением; во-вторых — представление о праве как об «установленном свыше» критерии оценки, в соответствии с которым все совершаемые поступки подразделяются на обязательные, допустимые и недопустимые. При этом и в том, и в другом случаях нормативность права задавалась и обеспечивалась государством. Именно от государства зависело, какое субъективное деяние рассматривать в качестве соответствующего норме (правомерного), существующего вне системы правового регулирования (юридически нейтрального) либо противоречащего правовым предписаниям (противоправного). Государство посредством правовых норм закрепляло волюнтаристские установки государственных чиновников, придавая им нормативный — общезначимый, общеобязательный характер. При этом поступки, не укладывающиеся в установленные нормативы либо относимые к противоправным, рассматривались в качестве правовых девиаций. Само понятие девиантного

¹ См.: Марксистская теория права. URL: <http://www.grandars.ru/college/pravovedenie/marksistskaya-teoriya-prava.html> (дата обращения: 20.01.2017).

поведения рассматривалось преимущественно в негативном аспекте. Считалось, что девиантология (наука об отклоняющемся поведении) является составной частью теории правонарушений (криминологии). В России проблемами девиантологии занимался М. Н. Гернет, изучавший преступность, пьянство, потребление наркотиков, самоубийства, проституцию как социальные феномены в их взаимосвязях¹. Сам термин «девиантология» введен в широкий научный оборот известным российским юристом Я. И. Гилинским². По мнению ученого, в праве девиантно то, что отнесено законодателем к противоправному, а также то, что не считается нормальным в общественном сознании, хотя может и не подпадать под воздействие правовых санкций. При этом, несмотря на разграничение девиаций на противозаконные и не являющиеся таковыми, общим для всех без исключения отклонений в праве является их социально-негативный характер. Признавая обоснованность такой точки зрения в контексте позитивистского типа правопонимания, на мой взгляд, следует отметить ее односторонность в контексте современного плюралистического правопонимания.

Если согласиться с тем, что в качестве субъектов правотворчества наряду с государством могут выступать и другие субъекты (международное сообщество, институты гражданского общества, отдельные субъекты права, такие, к примеру, как Президент, судьи Конституционного Суда и др.), то вполне можно допустить, что положения, закрепляемые в качестве нормативных одними субъектами, будут рассматриваться в качестве отклоняющихся (девиантных) другими участниками процесса правового регулирования. Так, к примеру, действующая Конституция РФ в ст. 15 закрепляет принцип приоритета норм международного права по отношению к федеральному законодательству. В ст. 46 говорится о том, что каждый «вправе в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты». Ст. 53 гласит, что «каждый имеет право на возмещение государством вреда, при-

¹ См.: Девиантология. URL: <http://knowledge.su/d/deviantologiya> (дата обращения: 20.01.2017).

² См.: Гилинский Я. И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб., 2004.

чиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц». Казалось бы, в рамках правовой нормативности Российская Федерация обязана выполнять решения международных судов. Однако на внутригосударственном уровне устанавливается порядок, в соответствии с которым все решения международных судов подразделяются на исполнимые и неисполнимые. При этом оценку этих решений на предмет их исполнимости осуществляет Конституционный Суд Российской Федерации. В соответствии со сформировавшейся позицией, «Конвенция о защите прав и свобод человека или, к примеру, основанные на ней правовые позиции ЕСПЧ подлежат реализации только при условии <соответствия акту> высшей юридической силы — Конституции РФ»¹. В том случае, если Конституционный Суд РФ примет решение о несоответствии вынесенного ЕСПЧ решения Российской Конституции, то это решение не подлежит исполнению. Так, 19 января Конституционный Суд РФ счел «невозможным» для российских властей выплачивать бывшим акционерам ЮКОСа компенсацию в размере 1,8 млрд евро, которую им присудил Европейский суд по правам человека за нарушение их прав на судебную защиту и справедливое судебное разбирательство на родине. «Россия вправе отступить от наложенных на нее обязанностей, если это единственный способ не нарушить Конституцию РФ», — заявил глава Конституционного Суда Валерий Зорькин во время оглашения решения². Получается, что государственный судебный орган может признать отклоняющимся, не соответствующим конституционным положениям решение международного органа правосудия.

Говорить о правовой девиации можно и в том случае, когда мы сравниваем материальное и процессуальное право, а также правовое поведение в разных государствах. К примеру, в США в девяти штатах прошли региональные референдумы, на которых обсуждался вопрос о легализации торговли и употребления марихуаны. По данным Time, в штатах Массачусетс и Калифорния жители

¹ См.: Козлова Н. Свой закон главнее. URL : <https://rg.ru/2015/07/15/sud.html> (дата обращения: 20.01.2017).

² «Ничего никому не должны»: Конституционный суд постановил не исполнять решение Европейского суда по делу акционеров ЮКОСа. URL : <https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/01/20/71224-nichego-nikomu-ne-dolzhny> (дата обращения: 04.02.2017).

одобрили использование наркотика в «развлекательных» целях гражданами старше 21 года¹. В России распространение любых видов наркотиков рассматривается как преступление. То же самое можно сказать о праве на эвтаназию и ряде других поведенческих актов, по-разному оцениваемых в различных национальных правовых системах.

2. История российской государственности — постоянство изменяемости

Традиционно история государства и права рассматривается в контексте национальной истории, развитие которой воспринимается по аналогии с человеческой жизнью, в рамках которой один и тот же человек последовательно минует определенные этапы собственной биологической жизни. Если принимать за основу такой подход, то можно согласиться с утверждениями о 1000-летнем «возрасте» российского государства, изменяющегося по форме и содержанию, однако остающегося неизменным по своей субстанционально-сакральной сущности, сводимой к некоему уникальному «русскому духу» и «русской вере».

В подобном контексте Древняя Русь, средневековое русское государство, российское государство нового и новейшего времени — это различные исторические состояния одного и того же государства. Получается, что Московское (Русское) царство является правопреемником Киевской Руси, Российская Империя — правопреемник Московского царства, РСФСР — преемник Российской Империи; СССР — преемник РСФСР; РФ — преемник СССР. При этом то, что из цепочки государств-правопреемников «выпала» Золотая Орда, осуществлявшая колонизацию русской земли и русского народа в течение более чем 300 лет (кстати, примерно столько же руководили Россией представители династии Романовых), никому не представляется странным и не соответствующим логике исторического анализа.

На мой взгляд, сопоставление государства с человеком методологически неверно и контрпродуктивно. Прежде всего, следует отметить, что системы оценки государственной и человеческой исто-

¹ Легализация марихуаны в США становится примером для других стран. URL: <http://vz.ru/society/2016/11/9/842758.html> (дата обращения: 04.02.2017).

рии базируются на противоположных показателях. Если в истории государства выделяются периоды древней, средней, новой и новейшей истории, то человеческая жизнь развивается от детства и юности к взрослости и старости. Представлять Древний Рим как молодой, а ныне существующий — как старый, на мой взгляд, некорректно. Столь же некорректно говорить о «древнем, среднем и новом» времени. Само по себе время в силу своей безграничности и бесконечности не предполагает хронологической шкалы. Время было, есть и будет нематериальной средой социального развития. Точно так же, как рождаются и умирают люди, возникают и прекращают существование государства. В таком понимании говорить о вечности российского государства можно с такой же долей вероятности, как и о бессмертии любого из ныне живущих людей.

В реальности можно и нужно говорить о фактической истории народа, земли и веры и о фактической истории государства. На определенных исторических этапах эти «истории» могут сводиться в единую социокультурную, политико-правовую конструкцию, называемую сегодня «национальным государством», соответственно, столь же вероятным представляется распад национальных государств и создание на их основе других государственных образований. Если взять за основу дальнейших рассуждений заявленную концепцию, которую я предлагаю назвать концепцией «циклической истории», то следует говорить не о единой истории «единой России», а о совокупности замкнутых циклов обособленных «государственных историй», каждый из которых характеризует отдельно взятую жизнь отдельно взятого государства, миновавшего в своем развитии периоды становления, развития, стабильности, стагнации, кризиса, разрушения (преобразования). Признавать государственное правопреемство можно только при условии эволюционного преобразования ранее существовавшего государства во вновь образуемое. В том случае, если новое государство возникает за счет разрушения предшествующей политико-правовой конструкции, заявлять о правопреемстве в юридическом смысле столь же нелепо, как, к примеру, говорить о наследовании имущества по отношению к разбойнику, который завладел им, убив законного владельца. В таком понимании Киевская (равно как и Владимирская, Новгородская, Рязанская и др.) Русь может рассматриваться по аналогии с античными полисами или средневековыми европейскими княже-

ствами, но не как первичный этап «единой» российской истории. Золотая Орда, подчинив себе разрозненные русские княжества и упорядочив политико-правовые и фискальные отношения, задолго до Московского княжества осуществила «собрание земель русских». Кстати, таким же «собираательством» занималось и Великое княжество Литовское и Русское. При этом используемые инструменты по сути своей не слишком отличались от используемых впоследствии средств «национального объединения», применяемых русскими «князьями-собираателями». Думаю, что наиболее наглядным в данном случае является пример включения в российское государство Великого Новгорода.

На смену Российской Империи пришла советская Россия, которая, в свою очередь, осуществила «собрание» советских республик в СССР, разрушение которого обусловило возникновение пятнадцати новых государств, в том числе Российской Федерации. Таким образом, Древняя Русь домонгольского периода, русские княжества под патронатом Золотой Орды, Московское (Русское) царство, Российская Империя, РСФСР, СССР, РФ — это разные государства, анализ соотношения которых позволяет говорить о правопреемстве, пожалуй, только в двух случаях: при преобразовании Русского царства в Российскую Империю и объединении четырех социалистических республик в СССР. При этом в первом случае правопреемство имело место в результате фактического переименования одного и того же государства, а во втором — договорная модель федерализации, в рамках которой возникновение СССР было обусловлено подписанием союзного договора между фактически независимыми советскими республиками (РСФСР, УССР, БССР, ЗСФСР). Во всех остальных случаях имело место не правопреемство, а неправомерное завладение правом в результате противозаконного насильственного завладения государственной властью.

3. Системный дисбаланс права

Дисбаланс — нарушение баланса/равновесия — представляется свойством любой системы, формирующейся и развивающейся под воздействием нескольких противоположных тенденций: сохранения — разрушения (автаркии); централизации — децентрализации; симметричности — асимметричности; баланса — дисбаланса.

Баланс элементов системы является следствием преодоления дисбаланса и одновременно его предпосылкой.

Традиционно право воспринимается в качестве единой целостной нормативной системы, при помощи которой в государственно организованном обществе определяются, получают свое формально-юридическое закрепление и реализуются общезначимые правила поведения — правовые нормы. Вместе с тем в современной юридической науке такое видение права подвергается существенной коррекции, что обуславливает рассмотрение дисбаланса в качестве системного фактора правового состояния.

В системе права тенденции дисбаланса могут проявляться в следующих основных коммуникационных сферах:

- традиционное — новационное право;
- международное — национальное право;
- публичное — частное право.

Мы намеренно не включили в приведенный перечень дисбаланс системы права и системы законодательства, поскольку применительно к заявленной теме считаем законодательство одной из юридических форм выражения правовых предписаний и в таком понимании несопоставимым с правом как целостным понятием.

Дисбаланс права представляет собой объективное условие существования и трансформации правовой среды, которое в зависимости от обстоятельств может оказывать на систему права как разрушительное (деструктивное), так и созидательное (конструктивное) воздействие.

В рамках этого раздела будут показаны особенности проявления дисбаланса в названных правовых средах с тем, чтобы в дальнейшем высказать предложения по их оптимизации.

- Традиционное и новационное право

Право является продуктом целенаправленной государственной деятельности и вместе с тем результатом социально-культурного развития общества, формой общественной традиции, столь же устойчивой и подверженной изменениям, как национальный язык. Изменение государственных форм облекается в правовые акты и, в свою очередь, влечет изменения в инструментах и механизмах правового регулирования. Эволюционные трансформации государства влекут последовательные, опирающиеся на предшествующий

опыт и традиции, изменения в правовой области. Напротив, революционные катаклизмы, в рамках которых происходит ломка традиционных общественных и государственных укладов, предопределяют отказ от ранее существовавших и признанных в «новых условиях» устаревшими или, более того, вредоносными правовых положений и принципов.

Дисбаланс традиционного и новационного права присутствует как в эволюционных, так и в революционных преобразованиях. При этом наиболее ярко он проявляется в так называемые переходные периоды, когда традиционное право уже утрачивает свое фактическое регулятивно-охранительное значение, а новационное право еще не обрело своей реальной юридической функциональности. Естественно, что наиболее остро дисбаланс такого рода проявляется в революционной обстановке. Период между «старым» и «новым» государственным строем характеризуется обстановкой социально-правовой аномии, называемой некоторыми учеными правовым хаосом¹. В условиях правового хаоса право как система публичного регулирования, основанная на системе общепринятых и общепринимаемых правил и гарантий, фактически не работает, уступая верховную роль «праву сильного». Стабилизация социально-политической обстановки, связанная с выстраиванием «вертикали власти», сопровождается усилением позиций новационного права, которое со временем приобретает качества сбалансированной правовой системы, обеспечивающей сохранение и развитие нового государственного и общественного строя, который со временем начинает восприниматься в качестве традиционного и постоянного, что, в свою очередь, может послужить предпосылкой возникновения дисбаланса между устоявшимися общественно-правовыми отношениями и возникающими в их недрах политико-правовыми новациями.

- Международное и национальное право

Соотношение международного и национального права, как правило, рассматривается в двух аспектах:

- национальное право является производным от международного;

¹ Цит. по ст.: Ромашов Р. А. Дисбаланс права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 5 (106). С. 93.

- национальное и международное право являются самостоятельными правовыми системами.

В рамках первого аспекта международное право превалирует над национальным, соответственно, национальные (государственные) интересы выступают в качестве вторичных (менее значимых) по сравнению с интересами международного сообщества, поскольку в основу последних положены «общечеловеческие» ценности. В этом случае дисбаланс связан с гипертрофированным значением международного права, положения и принципы которого в ряде случаев начинают насильственно навязываться странам, отнесенным к числу государств-«изгоев». Наглядный пример проявления такого дисбаланса — международно-правовая политика «развитых» стран, включая Российскую Федерацию, по отношению к Сирии. Рассмотрение национального и международного права в качестве автаркичных образований предполагает разграничение национальных и международных интересов. При этом включение норм международного права в национальную правовую систему и признание его приоритета по отношению к национальному законодательству происходят не в любом случае, а лишь тогда, когда международные нормы и стандарты не противоречат публичным интересам государства. В связи с таким подходом в современной России следует говорить о дисбалансе конституционных положений, закрепляющих приоритетное положение международного права в правовой системе России без каких бы то ни было оговорок, и современной правоприменительной практики, основывающейся на первоочередном значении именно национальных интересов Российской Федерации. Следствием выявленного дисбаланса является открытая критика со стороны ряда руководителей страны самого принципа верховенства международного права. В частности, в своем опубликованном докладе Председатель Следственного комитета России Александр Бастрыкин предложил исключить из Конституции положение о безусловном приоритете норм международного права над национальным законодательством, поскольку «указанное положение работает против интересов России». Следовательно, его изъятие из конституционного текста «укрепит независимость Российской Федерации в правовой сфере, вернет ее к лучшим традициям отечественного судопроизводства».

- Публичное и частное право

Утвердившееся в качестве аксиоматического для романо-германской правовой семьи деление права на публичное и частное противоречит как объективным законам логики (право как единое целое не может быть сведено к отдельным его частям: публичному и частному праву (курсив мой. — Р. Р.)), так и общетеоретическому определению права как системы общезначимых и общеобязательных правил поведения. Более корректным представляется выделение в праве как в целостной системе сфер публично-правового и частноправового регулирования, дифференциация которых осуществляется по характеру юридически значимого интереса, реализуемого в процессе правового регулирования, и по методу правового воздействия на соответствующие общественные отношения. Соответственно, говоря о дисбалансе в контексте соотношения публичного и частного права, мы в первую очередь имеем в виду дисбаланс интересов субъектов, выступающих в качестве носителей того или иного правового статуса.

В отечественной теоретико-правовой науке традиционно государство рассматривается в качестве субъекта, творящего право, обеспечивающего его реализацию всеми участниками общественных отношений, а также закрепляющего перечень правонарушений и меры ответственности за них. Подобный подход основан на патримонической концепции государства, в рамках которой последнее (государство) есть не что иное, как социотерриториальное владение государя. При этом в качестве «политического тела» государя (собственно субъекта властной деятельности) может выступать как индивид (монарх, диктатор, партийный лидер), так и коллективное лицо (представительный орган, диктатура, хунта и т. п.). Соответственно, субъективному интересу индивидуального либо коллективного «государя» придается публичный характер, а сам «государь» воспринимается в качестве центра публичности и носителя государственного суверенитета.

Политико-правовая система патримонического типа основана на отношениях субординации, в качестве субъектов которых, с одной стороны, выступают государство (в лице аппарата государственной власти), играющее роль повелителя, издающего руководящие предписания, и общество как субъект исполнения этих предписаний. В рамках подобного рода отношений тот, кто обладает властью, —

тот обладает всем, что можно посредством властной деятельности получить. Прежде всего, это касается отношений, связанных с собственностью. Получается, что стремление к власти есть стремление к обладанию собственностью. При этом механизм овладения собственностью построен на принципе ее экспроприационного перераспределения от подвластных к властителям. В подобных условиях фискальный аппарат государства носит ярко выраженный принудительно-карательный характер.

В патримониальном государстве субъективный интерес лица, обладающего публичной политической властью, приобретает публичный характер. При этом зачастую возникает дисбаланс между субъективным публичным интересом и субъективным частным интересом. В качестве наиболее образного примера такого дисбаланса может быть приведена проблема, сложившаяся в сфере комплектования российской армии. Руководство вооруженных сил заявляет о недостатке квалифицированных военных кадров и настаивает на отмене отсрочек от воинской службы, предполагающей призыв в армию студентов и выпускников гражданских вузов. В качестве аргумента, как правило, приводится конституционное положение об обязательной военной службе граждан Российской Федерации (ч. 2 ст. 59), являющейся, по мнению отечественного генералитета, формой «отдания» гражданского долга и осуществления гражданской обязанности по защите Отечества (то есть государства). Однако если рассматривать воинскую службу, осуществляемую в мирное время, как вид трудовой деятельности (аналогичный военной службе по контракту), то возникает логичный вопрос о соотносимости данных заявлений с положениями ст. 37, определяющей, что «Труд свободен. Каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду... Принудительный труд запрещен». С точки зрения гражданско-правовых и трудовых отношений непонятно, почему за одну и ту же работу солдат срочной службы и воин-контрактник получают разную зарплату, почему в первом случае привлечение к службе носит принудительный характер. Ссылки на необходимость защиты Отечества малоубедительны, поскольку данный долг возникает у граждан в условиях военного времени, когда всей стране угрожает реальная опасность. В мирное время задача армии сводится к подготовке и переподготовке военных специалистов, а также содержанию кадровых под-

разделений, способных при введении военного положения в кратчайшие сроки развернуться в полноформатные вооруженные силы. В приведенном примере достаточно отчетливо прослеживается коллизия субъективного интереса высшего военного руководства, лоббируемого федеральными политиками и приобретающего в силу своего законодательного оформления публичный характер, и субъективного интереса частного характера, носителями которого являются призывники, а также их родные и близкие. Последние пытаются по мере сил оказывать противодействие государству в его стремлении реализовать соответствующие властные установки. Причем, не имея возможности легального противостояния с государством, носители частных интересов зачастую прибегают к средствам криминального характера.

Обобщая сказанное, можно сделать вывод о том, что в условиях патримониальных политико-правовых систем в качестве публичного интереса рассматривается субъективный интерес лиц, осуществляющих публичную политическую власть (либо имеющих реальные возможности влияния на процессы принятия властных решений). В подобном понимании право, как возведенная в закон воля государства, существует исключительно как публичная система. Сфера частноправового регулирования определяется на публично-правовом уровне. Государство обладает практически неограниченными полномочиями по вмешательству в сферу частных интересов. Коллизии, возникающие между публичными и частными интересами, рассматриваются в пользу публичных, а противоречие частного интереса публичному рассматривается как правонарушение.

Политическая система либертарного типа, формирующаяся в условиях социального правового государства, предполагает сочетание субординационных (власти-подчинения) и координационных отношений. При этом для второй группы отношений характерна качественно иная по сравнению с патримониальной системой расстановка субъектов. Система «государство — субъект-властитель — общество — субъект-подданный» сменяется системой, в которой государство и общество выступают в качестве равноправных и равнообязанных партнеров. В системе подобного рода, строящейся по типу акционерного общества, государство уподобляется управленцу, избираемому из числа акционеров и подотчетному в своей дея-

тельности собранию акционеров. Для того чтобы подобная система стала реальностью, прежде всего необходимо, чтобы отношения собственности стали первичными по отношению к властеотношениям. Иными словами, для того чтобы получить властные полномочия, необходимо прежде состояться в качестве собственника. Соответственно, качественным образом меняется понимание права. Продолжая носить публичный характер, право перестает быть инструментом реализации власти одних представителей социума над другими. Принцип равенства перед правом и законом предполагает равнообязанность по отношению к правовым предписаниям как со стороны представительных органов государственной власти, так и со стороны общества, делегировавшего этим органам свои полномочия по управлению общественными отношениями. Особенно важно в данном случае то, что управленческие отношения между партнерами предполагают равенство их субъективных интересов. В данном случае утрачивает смысл спор о приоритете публичных и частных составляющих права, поскольку именно с достижением основанного на компромиссе интересов баланса публичных и частных интересов, в конечном счете, связывается эффективность деятельности всего механизма правового регулирования.

4. Дисбаланс правовой нормативности и правовой реальности

Как уже отмечалось ранее, нормативность есть признак права и его имманентное свойство. Норма права представляет первоэлемент — атом правовой материи¹ и вместе с тем моделирует право в целом. Право есть совокупность правовых норм. Структура нормы права — гипотеза, диспозиция, санкция — по сути своей есть не что иное, как трехчленная модель системы социального регулирования.

В основе любого регулирования лежит общность определенным образом выраженных и гарантированных правил, закрепляющих стандарты возможного, должного, недопустимого поведения в обществе. При этом, как правило, каким бы по своему содержанию оно ни было гуманным или, напротив, жестоким, оно будет восприниматься членами общества в качестве значимого и обязательного

¹ См.: Венгеров А. Б. Теория государства и права : учебник. 2-е изд. М. : Омега, 2005. С. 421.

только при наличии двух обстоятельств: фактических условий, обеспечивающих возможность практической реализации содержащейся в правиле поведенческой установки, а также юридически значимых последствий, неизбежно наступающих в результате осуществления субъектом деяний (действий или бездействия), предусмотренных соответствующим правилом.

Таким образом, право представляет собой логическую схему, объединяющую три обязательных детерминированных системных элемента: нормативный поведенческий стандарт (диспозиция), являющийся центральным элементом и первичной правовой нормы, и системы права в целом; условия (гипотеза), с которыми законодатель связывает реализацию правила, закрепленного в диспозиции, и, наконец, юридически значимые последствия (санкции), выражающие соответствующую реакцию государства на поведение субъекта правового поведения.

Часто можно услышать, что структура правовой нормы наряду с классической трехзвенной конструкцией может быть представлена двумя и даже одним элементом. Так, по мнению Н. А. Власенко, «в реальности правовые нормы имеют два элемента — гипотезу и диспозицию (позитивные нормы) и гипотезу и санкцию (охранительные)»¹. При этом нормы, строящиеся по классической трехчленной схеме, в системе права «практически не встречаются»².

Эти и подобные им утверждения становятся возможными вследствие «смешения» теории права с практикой его законодательного закрепления. Логическая структура нормы права — это умозрительная конструкция, существующая вне зависимости от законодательной практики, имеющей место в конкретном государстве, на конкретном этапе его политико-правового развития. О нормативности права и о его трехчленной структурированности можно говорить как по отношению к праву континентальной Европы, так и применительно к Великобритании и США, а также странам, позиционирующим свою приверженность к праву ислама.

¹ Власенко Н. А. Теория государства и права : научно-практическое пособие для самостоятельной подготовки студентов всех форм обучения. М.: Юриспруденция, 2009. С. 133.

² Там же. С. 132.

Другое дело — формальные источники права, закрепляющие правовые нормы и придающие им характер правовой реальности. Выраженные в нормативно-правовых актах, прецедентах, обычаях и других юридических формах правовые предписания действительно могут не иметь текстуально определенных элементов, предусмотренных в логической структуре теоретической правовой нормы. Но такую ситуацию нельзя рассматривать как доказательство возможности усеченной структуры нормы права как таковой. Различные способы изложения элементов нормы права в статьях нормативно-правовых актов, а также в других действующих источниках права позволяют восстанавливать межэлементные связи путем «выведения вторичной нормы».

В качестве примера можно рассмотреть п. 1 ст. 130 УК РФ, в которой устанавливается, что «Оскорбление, то есть унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме, — наказывается штрафом в размере до 40 тысяч рублей...». В процитированном положении действительно представлены только дефиниция, моделирующая вариант преступного поведения, выражающийся в неприличных по форме действиях, унижающих честь и достоинство лица, и санкция, определяющая вид и размер юридической ответственности в отношении субъекта преступления. Вместе с тем отсутствие гипотезы в конкретном законодательном тексте не означает, что ее вообще не существует. Общая часть УК формулирует гипотетические условия, характеризующие все правовые запреты, закрепленные в Особенной части, независимо от вида преступления и степени его общественной опасности. К таким условиям следует отнести квалификацию совершенного деяния в качестве преступного, совершение преступления дееспособным субъектом, вредоносный характер, обязательность наказания и др. Таким образом, усеченный состав статьи уголовного закона восполняется сохраняющейся трехчленной конструкцией, выведенной путем логического построения вторичной нормы. Рассмотренную нами ситуацию можно экстраполировать на любую статью Особенной части УК, равно как и на другие формальные источники права, используемые в качестве регуляторов общественных отношений. «Отсутствие какого-либо структурного элемента юридической нормы... свидетельствует об ее ущербности и приводит к “сбоям” в правовом регулировании: норма либо теряет связь с конкретными

жизненными обстоятельствами (становится беспредметной), либо не предлагает варианта поведения, либо утрачивает свои побудительные свойства»¹.

Что же касается так называемых специальных норм: дефиниций, целей, принципов, то их нормативная природа заложена в самих названиях. Не выполняя регулятивно-охранительных функций и не моделируя вариантов поведения, они, естественно, отличаются от поведенческих норм своей структурой. Определение базовых понятий, целей, основополагающих начал правотворческой и право-реализационной деятельности — такая же необходимая составляющая права и законодательства, как имя для человека. Однако само по себе имя никаких изменений в человеческую жизнь внести не может, так же как и цели, и принципы права сами по себе не могут изменить право ни в лучшую, ни в худшую сторону.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что право как абстракция, фикция и право как реальность есть не что иное, как два ракурса восприятия одного и того же явления, выраженного в двух несовпадающих смысловых образах.

Образ абстрактного права наиболее полно и последовательно выразил Ганс Кельзен в своей работе «Чистое учение о праве: введение в проблематику науки о праве». При этом Г. Кельзен сразу оговаривается, что его «чистое учение о праве является теорией позитивного права», в рамках которого он «пытается ответить на вопрос о том, что есть право и каково оно, но не на вопрос о том, каким должно быть право, или о том, какое право должно быть создано»². Именно нормативность для Г. Кельзена является основным отличительным признаком права. «Чистое учение о праве изучает те или иные факты только постольку, поскольку они являются содержанием правовых норм, т.е. определяются через правовые нормы»³. В свою очередь, «познание права направлено только на те нормы, которые придают характер права (или “не права”) определенным актам и которые создаются через подобные акты»⁴. «Чистое право»

¹ Общая теория права : курс лекций / под общ. ред. В. К. Бабаева. Н. Новгород: Нижегородская ВШ МВД России, 1993. С. 302–303.

² Ганс Кельзен: чистое учение о праве, справедливость и естественное право / сост. и вступит. ст. М. В. Антонова. СПб.: Алеф-Пресс, 2015. С. 114.

³ Там же. С. 122.

⁴ Там же. С. 118.

Г. Кельзена, таким образом, есть аналог «чистого разума» И. Канта, перенесенный в область юриспруденции. В правовой реальности права «в чистом виде» не существует. Формальные источники права — всё равно что золотые изделия, которые на самом деле являются изделиями из золотосодержащих сплавов, в которых доля «чистого золота» колеблется в зависимости от установленной «пробы». Таким образом, не имеет смысла противопоставлять право как субстанцию и закон (прецедент, договор, обычай и др.) как форму точно так же, как бессмысленно противопоставлять золото и золотосодержащее изделие. Конечно, в отличие от перстня или кулона, процентное содержание золота в которых указано непосредственно на изделии, закон такой информации не дает. Возникает парадоксальная ситуация: до тех пор, пока сохраняется политическая ситуация, в которой закон принимался, он считается правовым, после изменения ситуации нередко меняется правовая оценка закона. В частности, уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, действовавшее в СССР в 30–50-х гг. XX в., считалось современниками жестким (что, как правило, объяснялось очень сложной и конфликтной внутренней и внешнеполитической обстановкой), но справедливым и, естественно, соответствующим принципам и ценностям социалистического права. Кризис и последующий крах политической системы социализма обусловили переоценку системы социалистической законности, которая была объявлена репрессивно-карательной и противоправной. Можно ли говорить о том, что в сталинском СССР и гитлеровской Германии были законы и законность, но не было права? Можно ли говорить о том, что в современной России, ФРГ, США действующее законодательство носит правовой характер, и государственный механизм в своей деятельности подчинен праву? Полагаю, что ответ «нет» следует дать как на первый, так и на второй вопрос.

Во все времена государства были, есть и будут формами организации людей, устанавливавшими и поддерживавшими общий порядок при помощи систематизированных, формализованных и обеспеченных системой гарантий и санкций правил — норм. Как эти нормы назывались и называются — не столь важно, важно, что все они по своей природе относились к тому, что сейчас мы называем правом. Можно и нужно говорить о собственно правовой составляющей в договорах между русскими князьями и Византией, в «Русской Правде»,

в царских указах и уставах, в советских декретах и постановлениях, в современных российских законах. При этом, говоря о правовой составляющей, мы должны иметь в виду то право, про которое говорим в современных условиях. И если допустить, что регулятивная система, которую мы считаем сегодня правом, пусть в примитивных формах, но уже существовала в Древней Руси, то отрицать существование права в советской России, в том числе в эпоху «большого террора», попросту нелогично. Как инструмент легализованного принуждения государственным аппаратом государственно организованного сообщества право существует с момента появления государства. Как средство защиты прав и свобод человека и гражданина право начинает восприниматься и выступать относительно недавно. При этом «процентное содержание» права, обеспечивающего и защищающего человеческое достоинство, в общем объеме права, получившего законодательное закрепление в конкретном государстве, носит изменяющийся характер и зависит от ряда факторов как внутригосударственных, так и внешнеполитических.

В таком понимании нормативность права характеризует его, во-первых, как систему общезначимых и общеобязательных правил поведения — правовых норм, а во-вторых, как специфическую социальную среду, определяющую стандарты правильного/неправильного (правомерного/противоправного) поведения в обществе, соответствие которым является условием отнесения индивида, корпорации, общества к нормальным (традиционным) либо ненормальным (нетрадиционным).

В отличие от правовой нормативности, в «чистом виде» являющейся предметом теории права, правовая реальность — категория не только и не столько юридическая, сколько социологическая и политологическая. О праве как о юридической модели знают немногие, о праве как фактическом явлении, документе, поступке знают (в смысле — имеют свое представление и мнение) и судят практически все. При этом наличие либо отсутствие юридического образования и личного опыта в сфере практической юридической деятельности никак не сказываются на эмоциональном напряжении многочисленных дискуссий.

Правовая реальность представляет собой комплексное понятие, в качестве составных частей которого выступают: действующие акты национального законодательства и международного права,

объединенные в «массив материального права»; принципы правотворческой и правореализационной деятельности, характеризующие юридическую практику, сложившуюся в данном государстве на данном этапе его исторического развития; отношение к праву вообще, национальному и международному праву в частности, со стороны общества; правовая эмпирика и статистика, выступающая в качестве оценочной шкалы эффективности и действенности средств и методов правового регулирования.

Сопоставление правовой нормативности и правовой реальности позволяет выделить следующие положения:

- Правом в реальности следует считать совокупность действующих на данном историческом этапе формальных источников права, субъектов, наделенных правотворческими и правореализационными компетенциями, процессов и процедур в сфере правового регулирования. Вместе с тем на уровне индивидуального и коллективного правосознания в качестве права, как правило, воспринимается только система его формальных источников. Более того, применительно к российской правовой системе безусловным приоритетом обладает национальное законодательство, «отодвигающее» другие юридические формы на второй план. Похожая ситуация складывается и с восприятием государства, которое для большинства граждан представлено аппаратом публичной политической власти, «замкнутым» в своей организации и деятельности на личность главы государства.

- Имеющий место в теории права плюрализм правопонимания в реальности сохраняет монистический характер и сводит понимание права в практической юридической деятельности к юридическому нормативизму. При таком отношении «естественное», «историческое», «психологическое» право являются формами «не права» до тех пор, пока нормы, в них содержащиеся, не будут закреплены в соответствующих формальных источниках и не приобретут «официальную» юридическую силу.

- Дисбаланс правовой нормативности и правовой реальности в современной России предопределяется «единством и борьбой противоположностей» — двух разнонаправленных векторов правосознания: правового идеализма и правового нигилизма. Правовой идеализм предполагает восприятие правовой нормативности, представленной системой законодательства, в качестве наиболее эффективного средства решения социальных проблем и адекватного

ответа на возникающие в процессе политико-правового развития вызовы и угрозы. В частности, непрекращающиеся споры о возможности внесения поправок и изменений в текст действующей Конституции, а также принятия новой Конституции сопровождаются рассуждениями о сакральности этого акта и его особой роли в жизни государства и общества. При том, что, по данным «Левада-центра», «Конституцию России никогда не читали 41 % россиян, еще четверть наших сограждан (24 %) хотя и читали, но ничего не запомнили. Кроме того, четверть респондентов (24 %) заявили, что довольно плохо помнят, о чем говорится в основном законе РФ. Лишь 12 % россиян могут вспомнить, о чем там написано»¹. Правовой нигилизм в противовес правовому идеализму воспринимает право, выраженное в законе, либо как бесполезный («Закон что дышло: куда повернул, то и вышло»), либо как вредный (закон как инструмент наказания, ограничения субъективного права и личной свободы) инструмент воздействия на общество. По мнению нигилистов, государство использует право не для обеспечения общественного блага и защиты гражданских прав и свобод, а для установления тотального контроля за поведением членов общества и осуществления карательно-репрессивного воздействия. Собственно, реалистичное отношение к действующему праву с учетом специфики национальной ментальности, внутригосударственной и внешнеполитической обстановки, характерно для относительно небольшой части россиян (около 20 %), позитивно (но без «ура-патриотизма») воспринимающих свою страну, историю, законодательство и тех, кто это законодательство принимает и применяет.

- От СССР Российская Федерация унаследовала, в том числе, и систему социалистического права, переименование которого в романо-германское не привело, да и не могло привести к серьезным сущностным изменениям в его восприятии и функционировании. Заимствование из западного права целого ряда ценностей и принципов (прав и свобод человека и гражданина, правового ограничения государства, выборности и сменности высшего руководства страны и субъектов федерации, состязательного уголовного правосудия, приоритета международного права по отношению к национальному

¹ 41 % россиян не прочли Конституцию. URL <http://polit.ru/news/2014/12/10/neverread/>.

законодательству и др.) и включение их в современное российское право имели своим предназначением ребрендинг правовой системы, но не ее качественную трансформацию¹. «Советские люди», осуществляющие управление современной Россией, не способны трансформировать ее из советской в западно-демократическую, точно так же, как варварские племена, разрушив Рим, не смогли в своих вновь образованных империях воссоздать систему государственного управления Римской империи. И дело здесь не в приятии либо неприятии Россией западной культуры, а в объективной невозможности прямого заимствования и перенесения на неподготовленную почву чужой национально-правовой ментальности.

• Период современного состояния политико-правовой реальности может быть условно назван «состоянием переходной неопределенности». Можно с уверенностью утверждать, что политическая и правовая системы России перестали быть советскими, поскольку уничтожены два основополагающих фактора: государственная коммунистическая идеология и социалистическая система хозяйствования. На высшем уровне продекларирована невозможность возврата к ним². Вместе с тем заявляется о неприемлемости для России пути в направлении «западного ультралиберализма»³. Таким образом, генеральная цель, определяющая видимые и осознаваемые большей частью общества ориентиры перспективного развития российского государства и права, носит неопределенный характер. Правовая нормативность и правовая реальность по-прежнему находятся в состоянии дисбаланса.

• В сложившейся ситуации основополагающими политико-правовыми ценностями становятся, с одной стороны, стабильность политического устройства и правового порядка, а с другой стороны, обеспечение эффективной и действенной преемственности в процессе эволюционного восходящего развития российского государ-

¹ Ребрендинг (англ. rebranding) — активная маркетинговая стратегия; включает комплекс мероприятий по изменению бренда (как компании, так и производимого ею товара) либо его составляющих: названия, логотипа, слогана, визуального оформления, с изменением позиционирования (см.: Википедия. URL : <https://ru.wikipedia.org/wiki>).

² Выступление Владимира Путина на заседании клуба «Валдай». URL : http://www.ng.ru/politics/2013-09-20/1_identity.html.

³ Там же.

ства и права. Правовая реальность не должна подменять правовую нормативность и вместе с тем противопоставляться ей. Мы живем в тех условиях, которые существуют и которые формальное право, исходящее от законодателя, мгновенно изменить не сможет. Вместе с тем общественные отношения под воздействием различных факторов, в том числе законодательства, меняются. Сейчас не имеет смысла говорить о том, что изменения носят позитивный или негативный характер. Они происходят, и хочется надеяться, что России в XXI в. удастся избежать роковых ошибок, допущенных в предыдущем столетии и повлекших два разрушительных катаклизма ее государственно-правовой системы.

5. Эволюция и разрыв в конструктивной динамике правовой культуры

В отечественной юридической литературе рассмотрение правовой культуры осуществляется в основном с позиции одной из трех концепций: антропологической, юридико-социологической, философской.

Правовая культура с точки зрения философского подхода «представляет собой своего рода юридическое богатство, выраженное в достигнутом уровне развития регулятивных качеств права, юридической техники, которые относятся к духовной культуре, к правовому прогрессу»¹.

В рамках антропологического подхода правовая культура рассматривается как проявление самых разнообразных сфер правовой жизни. Этот подход ориентирован, прежде всего, на суммарную, механическую фиксацию результатов правовой деятельности, которые характеризуются как ценности.

В контексте юридико-социологического подхода правовая культура рассматривается в двух плоскостях: во-первых, как характеристика уровня развития правовых явлений на определенном этапе развития общества; во-вторых, как качественная характеристика восприятия права и правового поведения отдельной личности.

Правовая культура составляет внутреннюю, ментально-духовную сторону правовой системы общества и глубоко пронизывает

¹ Алексеев С. С. Право: азбука — теория — философия: опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 269.

правосознание, правовые отношения, законность и правопорядок, правотворческую, правоприменительную и любую иную юридическую деятельность, регулирует поведение людей, сообразуясь с социокультурными, историческими особенностями, выступает инструментом достижения социальной стабильности.

Правовая культура, как и культура в целом, неразрывно связана с историческими, этносоциальными, социокультурными особенностями того или иного народа, общества, государства. Обращение к истории развития российского общества дает возможность выявить его особенности, наглядно отраженные в правовой культуре: это многовековые пласты патриархально-коммунитарного, общинного менталитета с его как отрицательными, так и положительными свойствами, конформизм и одновременно нетерпимость, явно пренебрежительное отношение к закону при не менее очевидном уважении к «порядку», неприязнь к власти в целом и в то же время надежда, вера в доброго, справедливого лидера, вождя при длительном отсутствии значимых демократических свобод, постоянное стремление к «воле», творческому развитию личности и многое другое.

Несомненно, правовая культура непосредственно связана с многообразными общественными процессами, зависит от происходящих в обществе изменений и является их совокупным выражением. В правовой культуре воплощаются способы и результаты человеческой деятельности. Любые крупные изменения правовой деятельности предполагают одновременно и изменения правовой культуры. Однако одни и те же процессы, изменения по-разному воспринимаются различными категориями населения, неоднозначно влияют на жизнь отдельных социальных групп. В связи с этим социологический анализ предполагает исследование, прежде всего, групповой правовой культуры.

В жизнедеятельности людей взаимодействуют программы действий двух типов: биологические и социальные. Если первые передаются через наследственный генетический код, то вторые хранятся и передаются в обществе в качестве традиций. Последовательная бесконфликтная передача традиций (в данном случае — преемственность ценностно-мотивационных установок в сфере юридической деятельности и отношении к праву) от одного поколения другому обеспечивает стабильность социальной организации.